оказывается, востребован концепт «релевантности»; и, в-третьих, в социально-гуманитарной методологии конца XX – начала XXI вв., особо обозначилась проблема возможности межпарадигмального взаимодействия знаний, полученных на платформе разных цивилизационных исследовательских культур.

Это приобретает статус проблемы соотнесения знаний об одном и том же социальном объекте, процессе, полученном в разных цивилизационных культурах, и вряд ли может быть понято в рамках моноцентричной (западной) методологии и адекватной ей исследовательской практики.

Литература

1. Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007). М., РОССПЭН, 2008.
2. Элитологические исследования. Ежегодник – 2005. Ростов н/Д., 2006.
3. *Московичи С.* Век толп. М., 1998.
4. *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.
5. *Хигли Д.* Демократия и элиты // Полития. № 2 (41). Лето 2006.
6. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д., 1998.
7. *Старостин А.М.* Эффективность деятельности государственной власти и управления (элитологический аспект). Ростов н/Д., 2005.
8. См., например, работу *Прохорова А.П.* Русская модель управления (М., 2002), где данный подход находит подробное обоснование.
9. Джорол Б. Мангейм, Ричард К. Рич Политология. Методы исследований. Пер. с англ. М., «Весь Мир», 1997.
10. Релевантность феноменологическая // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., Канон, 2009.

УДК 323.3

Понеделков А.В., д. полит. н., проф.,
Ревягина Н.Г., к. полит. н., доц.,
Старостин А.М., д. полит. н., проф.

Элиты в постсоветской эволюции: факторы и условия

В статье рассмотрены условия и факторы формирования и жизнедеятельности элит в условиях постсоветской эволюции российского общества. Широко использованы данные многолетних социологических исследований и опросов.

Ключевые слова и словосочетания: элита, политическая элита, элитологические конструкты, научная школа, ценности, консолидация элит.

Политическая практика все чаще и последовательнее апеллирует к деятельности властных элит. Естественно, что отечественная политология реагирует на это обстоятельство выработкой комплексного направления в сфере элитологических исследований, включающего в себя политическую элитологию, социологию элит, историческую элитологию, психологию элит, другие разделы научного знания об элитах [1], формирующих в целом достаточно развернутую картину современного российского элитогенеза.

И в теоретическом, и в практическом плане исключительно важное значение приобретает системный анализ становления новой, современной отечественной элиты.

Особенно остро, в этой связи, ставятся вопросы практического несоответствия состава элит и неэффективно работающего механизма рекрутирования элит.

Здесь же отметим, что отслеживаемые процессы возникновения и становления, например, политических элит, чаще всего анализируются и изучаются только с социально-политических или экономических позиций, оставляя за пределами исследовательского поля, скажем, философские, культурологические, педагогические, иные другие исследования.

Мы убеждены, и наши убеждения подкрепляются более чем двадцатилетней практикой исследований, в том, что для политической науки имеет непреходящий и возрастающий интерес изучение образовательных систем и технологий, с помощью которых можно решить задачи качественной подготовки российских, в особенности, региональных элит. Справедливости ради надо назвать здесь ряд имен отечественных исследователей, по праву занимающих верхние строки имен ученых, занимающихся разработкой этих вопросов. Это Г.К. Ашин, О.В. Гаман-Голутвина, О.В. Крыштановская, А.В. Дука, П.Л. Карабущенко и другие [2-5].

Однако, несмотря на столь обширный исследовательский пласт, остается недостаточно исследованной взаимосвязь целостного и функционального порядков формирования и функционирования элит. И, напротив, отдается преимущественное внимание анализу институциональных критериев и статусно-деятельностных позиций различных звеньев административно-политических элит.

Ощущается также отсутствие концептуальных политологических работ, оценивающих и отражающих процедурные технологии в системе рекрутирования и циркуляции отечественных элит.

Достаточно широкие границы исследуемого нами проблемного поля обусловили наш выбор: во-первых, проследить на примере наших двадцатилетних элитологических исследований, как на элитологических исследованиях отражается фактор наличия научной школы; и, во-вторых, предложить некоторые обобщенные результаты исследований процессов формирования региональных административно-политических элит в постсоветскую эпоху.

Сразу отметим, что в постсоветский период в стране сложились и оформились несколько центров (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Астрахань, Пермь), в которых выполнено большое число проектов, издан целый ряд монографий, защищены докторские и кандидатские диссертации [6, с. 279-296]. В научной школе региональной политической элитологии, которую называют Ростовской, исследования в сфере элитологии проводятся с начала 90-х гг. минувшего века. За эти годы в нашем диссертационном совете защищено 3 докторских, 20 кандидатских диссертаций, исследующих региональные политические элиты и их взаимодействие с другими элитными группами. За этот же период времени опубликовано свыше 300 научных работ, в том числе более 20 индивидуальных и коллективных монографий; реализовано более 10 крупных научно-прикладных социологических проектов. Издается ежегодник «Элитологические исследования». В сфере политической науки школа получила признание на федеральном уровне [6, с. 56-58].

В целом здесь сосредоточено до 40% защит диссертаций по политическим наукам в федеральном округе и 3-4% защит относительно количества защит диссертаций в масштабах страны.

В Ростовской элитологической научной школе, постоянно аккумулирующей опыт подготовки высококвалифицированных кадров, естественно, накопились материалы системных наблюдений, а также предложения, касающиеся развития гуманитарных наук, их взаимодействия с текущей политической практикой.

Остановиться несколько подробнее на этих проблемах.

О критериях научной школы. Далеко не каждый коллектив, работающий под руководством крупного ученого, может считаться школой. Многие коллективы работают по внешнему заказу, по плановой тематике, которая периодически меняется. С другой стороны, у некоторых научных руководителей за долгие годы защищается до сотни и более кандидатов и докторов наук. Однако тематически этот массив может оказаться разноплановым, не гомогенным.

В рамках пропагандируемой нами научной школы сосредоточено – в количественном плане – небольшое число ученых, что не мешает ей оставаться одной из наиболее эффективных и влиятельных форм самоорганизации современной науки.

Чтобы не быть голословными, мы предлагаем вниманию читателя, по меньшей мере, семь принципиальных позиций, подтверждающих данное утверждение. Это:

- наличие оригинальной теории, концепции или инструментально-методического комплекса, на базе которых преемственно осуществляются индивидуальные и коллективные исследования. Ученые, разделяющие теоретические позиции главы научной школы, могут считать себя причастными к данной школе;
- научный лидер или лидеры – основатели школы, выдвинувшие оригинальную концепцию или метод решения проблем, научных задач;
- формальный или неформальный коллектив или ассоциация ученых-исследователей (вилка, например, 10-50 человек), работающих совместно с научным лидером в рамках базовой концепции, методики, проблематики;
- общественно-научное и публичное признание школы;
- самопрезентация научной школы, сформированность коллективной идентичности;
- достойная научно-публикационная преемственность, прослеживаемая, в том числе, по индексам цитирования;
- ощутимое воздействие на развитие фундаментальных или прикладных научных исследований в рамках отдельной научной дисциплины, научного направления.

В одном из наиболее обстоятельных современных исследований научных школ Е.З. Мирской предлагаются сходные, но несколько иные критерии [7, с. 244-265].

Дополним данный критериальный ряд некоторыми краткими комментариями.

О теоретических конструктах. В области общеэлитологических подходов представителями нашей школы ведется разработка методологии элитологических исследований, осмысление их основных принципов; сформулированы и раскрыты принципы социальной и антропологической детерминации элит; цивилизационного своеобразия элит; принципы циркуляции и олигархизации элит; принцип консолидирующих механизмов в элитогенезе и функционировании элит; идеалов и норм научной рациональности; методологической референтности субъекта-исследователя. Обобщения в этой области позволили авторам прийти к выводу о формировании в современной политической науке элитологической исследовательской парадигмы.

Об основных результатах исследований. В концентрированном виде их можно представить следующим образом:

- в условиях российских трансформационных процессов место властного и управленческого воздействия, сфокусированного прежде в идеократической номенклатурной системе, заняло элитное сообщество, главным центром влияния в котором стала современная административно-политическая элита (или, лучше сказать, административно-политические элиты, имея в виду их уровневую фрагментацию: федеральные, региональные, местные).

Для развития российского элитного сообщества характерны процессы:

- элитократизации, обособления элит от общества и максимальная концентрация средств влияния и материальных ресурсов;

- сохранения различных источников элитогенеза (бюрократический, этнический, милитократический, экономический, интеллектуально-информационный, криминальный);

- попытки утверждения иерархии в элитном сообществе и административно-политической элиты в качестве доминирующего центра;

- продолжающееся преобладание интересов глобальных центров влияния над общенациональными;

- децентрализация управления на общегосударственном уровне, связанная с появлением влиятельных субъектов политического влияния в лице различных элитных групп, зачастую строящих свои взаимоотношения в конкурентном и конфликтном режиме, и резкое снижение возможностей самоорганизации и самоуправления – на местном уровне; преобладание ситуативных подходов в политическом управлении над перспективными;

- теневизация общественных и политических отношений, формирование устойчивой двойственной структуры социальных отношений – публично-неформальной [8].

По нашей оценке, современные российские элиты, в отличие от начала 90-х гг. XX в., менее гетерогенны по своим политико-идеологическим ориентациям, более четко идентифицируют свои интересы в системе государственных целей и приоритетов; более адекватны в профессиональном отношении, хорошо ориентируются в современных экономических и правовых реалиях; более подготовлены к современному публичному политическому дискурсу.

О критерии общественного признания научной школы. Прекрасно на этот счет высказался однажды известный отечественный политолог и элитолог проф. Г.К. Ашин: «Ныне Россия – уже не периферия мировой элитологии, какой она была в советское время, школа российской элитологии по праву заняла ведущее место не только в исследовании российских элит (еще пару десятилетий назад о российских элитах можно было узнать лишь из работ зарубежных советологов и российских полит-эмигрантов), она лидирует, по крайней мере, в трех важных областях элитологии – в общей теории элитологии, в истории элитологии (только в России опубликованы не просто труды по теориям элит в той или иной стране, в том или ином регионе, в тот или иной исторический период, а сквозные труды по истории элитологии – от Конфуция и Платона до элитологов XXI в.). Последние годы Россия лидирует и в области исследований региональных элит, и именно в этой области **ростовчане** (подчеркнуто нами – А.П., Н.Р., А.С.) внесли наибольший вклад в общероссийскую элитологию. Наконец, можно оценить вклад **ростовчан** (они же) а общероссийскую элитологическую копилку по количеству защищенных диссертаций по элитологической проблематике. Пожалуй, нигде в России не защищается столько диссертаций по элитологии» [9, с. 6-7].

Добавим к этой замечательной оценке и другие оценки, опубликованные в научных журналах, в «Бюллетене ВАК».

Изложенное выше подводит к выводу, что институционализация и подъем роли научных школ, в том числе и в политической и социологической науке, жизненно необходимы.

В данном случае, научная школа выступает как структура, обладающая, в отличие от официальных организационных форм, значительным потенциалом самоорганизации и независимого саморазвития.

Успеху дела будут напрямую способствовать такие операции и рабочие моменты, как:

- аккредитация научных школ и учреждение органов самоуправления ими (ассоциация научных школ);

- финансовая поддержка в качестве одного из основных получателей средств на поддержку науки и поддержка их тематики и проблематики (а не социальный заказ);

- кадровая поддержка за счет выделения из бюджета мест на подготовку кандидатов и докторов наук. Наконец, главным субъектом подготовки научных кадров должны стать по меньшей мене наполовину руководители научных школ, а не институты, вузы, лаборатории.

Остановимся далее на некоторых наиболее обобщенных результатах социологических проектов, реализованных исследователями СКАГС (ныне – РАНХиГС) в регионах Южного федерального округа по тем или иным сторонам деятельности региональных административно-политических элит.

В отечественном обществознании предприняты заметные усилия по разработке элитологического подхода, претендующего на статус парадигмы, обеспечивающей выход в социально-политический контекст и на достаточно конкретную характеристику текущих российских политических процессов. Наше авторское видение данных процессов изложено более чем в 300 публикациях, выходивших на протяжении последних 15 лет.

Нами зафиксированы основные характеристики региональной административно-политической элиты, особенности некоторых элитных групп. Характеристики российских элитных групп весьма различаются в зависимости от региона, и они не описываются какой-либо одной унифицированной моделью. В российских регионах закладываются различные стержневые составляющие элит. Можно, например, говорить об этнократических элитах республик, административных элитах многих русскоязычных областей. В ряде регионов у власти находится либо элита бизнеса, либо сами губернаторы стали таковыми, и мы имеем дело с элитой, приватизировавшей власть. Наконец, многие региональные элиты представлены силовиками.

Обратимся к данным, касающимся образа политических элит, формирующегося в общественном мнении. Остановимся на результатах одного из последних, реализованного нами, социологических проектов (Опрос был проведен в сентябре-октябре 2009 года в 13 субъектах РФ, входящих в состав Южного федерального округа. Опрошено 673 респондента из числа государственных служащих, депутатов представительных органов, руководителей общественных организаций и движений).

Анализ содержательных оценочных позиций показывает заметное расхождение в оценках состава и деятельности элит по оси «сущее - должное». Сущее – это достаточно низкая оценка деловых и человеческих качеств элитного сообщества и очень низкая – качеств гражданских. Обозначился запрос на элиту гражданственную, профессиональную, сформированную по заслугам и достижениям, чутко реагирующую на интересы и запросы общества. Наличие таких устойчивых «ножниц» в оценочном контексте свидетельствует о существенных предпосылках делегитимизации власти. Вполне обоснованно можно говорить о современных российских элитах как о ***протоэлитном образовании.*** Ни состав, ни стиль управленческой деятельности, ни легитимность современных элит не являются устоявшимися.

Пути и механизмы коррекции состава и деятельности элит хорошо известны, но они блокируются влиятельными группами внутри самого элитного сообщества. Надежды на разблокирование таких действий респонденты возлагают, прежде всего, на высших руководителей страны.

Значительный интерес представляет сопоставление полученных данных с результатами, которые были получены нами более 15 лет тому назад [10]. Ряд тенденций общего плана высвечивается достаточно отчетливо.

Обращают на себя внимание изменения в источниках формирования состава элит и их управленческом опыте. Произошло обновление региональных элит. От рычагов управления постепенно ушла основная ее страта, получившая первичный управленческий опыт в партийно-советской системе. Она замещена людьми, получившими первичный опыт уже в структурах современной администрации. По экспертным оценкам представителей самой региональной элиты, удельный вес последней страты вырос почти вдвое, составив более трети от контингента управленцев.

Оказались существенно ослабленными составляющие технократического влияния на региональное управление. Если в 1993 году более 27% опрошенных указывали на производственный опыт как на серьезную школу управления, то в 2009 году таких осталось не более 16%. Также впервые численность представителей элиты с базовым гуманитарным образованием превысила число тех, кто имеет техническое и естественнонаучное образование.

Существенно изменилась за 15 лет оценка представителями региональной элиты основных «центров власти» в регионе. Если ранее первая тройка выглядела так («кому реально принадлежит власть в регионе?»): «коррумпированная часть аппарата управления – мафия, криминальные структуры – глава региональной администрации», то сейчас это: «глава администрации – богатые люди, коммерсанты, банкиры - коррумпированная часть аппарата управления». Причем оценка влияния такого «центра власти», как глава администрации, возросла за десятилетие в 2,5-3 раза (превысив 40%). В то же время оценка влияния регионального законодательного органа мало изменилась, сохранившись на уровне 9-10%.

Осталось практически неизменным предпочтение руководителей – «прагматиков» (до 36% опрошенных против 35% 15 лет назад), но существенно ослабела ориентация на лидеров – «патриотов» (до 44% против 61% в прошлом). В то же время, предпочтение «диктаторов» осталось на прежних позициях (соответственно 5,5%). Существенно упали рейтинги лидеров-«либералов» (с 25% до 10%).

Как видим, за прошедшие 15 лет региональные элиты значительно обновились и в структурном, и в деятельностно-стилевом, и в ценностном измерениях.

Вместе с тем региональной бюрократии не удалось создать устойчивые механизмы рекрутирования административно-политической элиты. Ими не стали ни новая партийная система, ни сама система административной карьеры, ни силовые структуры. По нашему мнению, в ближайшей перспективе осуществится рекрутирование в высшие эшелоны региональной власти представителей бизнеса, прошедших ранее школу современного государственного администрирования и ушедших на время с государственной службы.

Стал более отчетливо виден и ряд проблем, связанных с методологией и методикой исследования современных российских элит.

В этом ряду мы обозначим проблему выявления «элитной субстанции», поскольку в современной российской действительности в глаза бросается принципиальная «неэлитарность» того социального слоя, который включается в состав элит. Создается впечатление, что в российских условиях главную роль в генерировании

элиты играют своеобразные «элитные операторы», или, говоря математическим языком, функциональные системы, возводящие в элитный ранг практически любого индивида, включенного в область их действия. Отсюда в современных российских элитологических исследованиях делается акцент на методы позиционного анализа, ориентация на статусные позиции в анализе элит и лидеров, в комментариях и прогнозах по поводу их деятельности. Анализ картины элитного сообщества, составленный с использованием композиции основных методов (позиционный, репутационный, биографический, изучение конфидентных и конституэнтных сетей) обнаруживает гетерогенный характер элитного сообщества, действие разнородных механизмов генерирования лидерских и элитных групп и несформированность капитально-социального влияния, позволяющего консолидировать общество.

Вместе с тем, и общество, находясь в несформированном, гетерогенном состоянии, не в состоянии пока выработать относительно интегрированные механизмы легитимации и признания элитных групп и программ их деятельности.

Попытаемся оценить роль ценностных факторов в консолидации новых элит. Они, в основном, сводятся к следующим позициям:

- эклектичность ценностных позиций элиты;

- ценностные устремления элит сконцентрированы на удержании собственности, богатства и власти;

- выработка новой идеологической платформы, контуры которой уже обозначились.

Относительно прогноза ожидаемых изменений элитологической ситуации, можно заключить, что в стране не сложилась устойчивая традиция публичной политики, а многие внутриэлитные и межэлитные взаимодействия находятся в неформальной и теневой плоскости.

Социология элит считает принципиально важным знание об отношении населения к элитам. С этой целью в июле 2007 года был проведен опрос населения в 11 субъектах РФ, входящих в состав Южного федерального округа, а также в трех регионах других федеральных округов (Белгородская область, Челябинская область, Алтайский край) по репрезентативной выборке, разработанной в социологическом центре РАГС при Президенте РФ. В регионах ЮФО было опрошено свыше 1600 респондентов, в субъектах РФ других федеральных округов – по 400 респондентов. Результаты опроса позволяют выделить ряд общих тенденций в отношении населения к элитам и, вместе с тем, увидеть различие оценок по одним и тем же позициям, что связано, очевидно, с ситуацией в конкретном регионе.

Ответы были нами сгруппированы в три основных проблемно-тематических блока:

- представления и знания населения о современных элитах;

- оценка эффективности деятельности современных российских элит;

- программа мер по совершенствованию состава и эффективности деятельности современных элит.

Относительно степени осведомленности об элитах: населению более всего знакома деятельность представителей федеральной административно-политической элиты (около 50%) и местной элиты. О первой постоянно информируют федеральные и местные СМИ. О второй составляется представление из непосредственного опыта и местных СМИ. Наиболее скудная информация связана с деятельностью хозяйственно-государственной элиты федерального и регионального уровня.

Как и в начале XX в., так и сейчас приоритетным вниманием пользуются политические факторы. Приоритет политики над экономикой отмечается не только в

сознании населения, но и в суждениях экспертов. Ранжирование уровней знания о различных элитах у экспертов идентично представлениям населения; это же можно сказать и об их оценках «центров власти и влияния» на региональном уровне. Единое мнение населения и экспертов выражается формулой: власть принадлежит «команде регионального главы и прикормленному бизнес-элитой чиновничеству». Сама бизнес-элита региона занимает третье место и давно уже поняла как степень своего реального влияния на власть, так и то, что выше ей не подняться. Что касается демократического компонента властных структур, которые избираются населением (региональные законодательные собрания, региональные отделения партий), то и население, и эксперты отводят им более чем скромные позиции.

Вполне адекватно отражаются реальные властные позиции в элитном сообществе и первоочередной запрос на качественный состав и эффективную деятельность элит. В частности, около половины опрошенных граждан разделяют позицию, согласно которой федеральная и региональные элиты не вполне соответствуют качественным критериям и требованиям, предъявляемым к элитному слою.

В оценках позитивных характеристик элит, которые выставляет население, наблюдается некий парадокс: население значительно выше ценит «разруливание» элитой возникшей ситуации, нежели ее профилактику, недопущение ее возникновения. Так, большинство опрошенных (свыше 60%) выделило «умение разрешать конфликты, стабилизировать обстановку». А вот «чуткости к проблемам населения» (21-25%), умению «патронировать развитию местного бизнеса» (16-24%) отведены низшие места в рейтинге.

Ведущая тройка недостатков, отмечаемых населением, остается неизменной в течение ряда последних лет: «Коррумпированность - недостаточный профессионализм – подбор руководства по родственным и приятельских признакам». Аналогичная картина формируется и ответами экспертов, что, по сути, обозначает изначальную «родовую травму» постсоветских элит, сформировавшихся не на принципах меритократии, а в жестокой борьбе за передел государственной собственности и власти. Поддержки со стороны общества при этом не требовалось. Более того, постсоветские элиты сделали все, чтобы максимально изолировать общество от «большого передела». Остается лишь надеяться – вместе с населением и экспертным сообществом, - что в близкой перспективе возникнут условия для востребованности совсем других качеств элит, на что указывают респонденты в ответах третьего проблемно-тематического блока.

В предлагаемых мерах по совершенствованию состава и эффективности деятельности современных российских элит отметим ответы респондентов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, сформировался высший слой административного руководства Вашего региона?» Здесь отражена позиция, о которой мы говорили выше. На первом месте – «К власти пришли путем интриг хитрые, беспринципные, алчные люди, ставящие своими целями личные интересы» (41%). На втором – «В ходе политической борьбы произошел отбор руководителей новой формации» (39%). Правда, предложенный для выбора вариант ответа не фиксирует, в чем состоят отличительные черты «руководителей новой формации», что дает респонденту возможность скрыть свою позицию за этой «неопределенностью». Третья ранговая позиция носит более определенный характер – «В этом слое представлена бывшая номенклатура, быстро сменившая прежнюю идеологическую принадлежность» (30%), - так сказать, «идеологические оборотни». Что касается оценки влиятельности механизмов, которые традиционно относят к меритократическим и демократическим, действие которых ведет к отбору более профессиональных и некоррумпированных политиков и

чиновников, то лишь чуть более 18% населения указывает на их влияние в деле формирования современной российской политико-административной элиты. Аналогична и позиция экспертов.

Преобладание в общественном мнении оценок, указывающих на выдвижение в состав российских элит различного рода «оборотней», подтверждается и в ответах, подчеркивающих опасность дальнейшего проникновения в элиту представителей криминальных кругов. Более 40% опрошенных считают подобную угрозу значительной.

Поставим, в заключении, вопрос – что же нужно сделать для улучшения качественного состава элит? Респонденты указывают на механизмы кадровой политики и культурно-образовательные факторы, а именно:

- конкурсный отбор на основе профессионализма и компетентности (55%);
- повышение образовательного уровня (47%);
- продуманная кадровая политика под контролем центра и администрации федерального округа (46%).

Эксперты фактически разделяют такой подход.

Кто же в первую очередь должен запускать в действие механизм контроля за эффективностью? По мнению граждан – это государственные и местные органы власти (59%), силовые ведомства (50%), СМИ (38%). Что касается политических партий, институтов гражданского общества, то им отводится гораздо меньшее место (от 9% до 23%).

Мы полагаем, что выявленные нами тенденции будут долго еще сохраняться в российской провинции, что оставляет открытой дверь для реализации новых самостоятельных проектов, постановки проблемных вопросов и системных подходов. Реальность сегодняшнего дня не оставляет нам иного выбора.

Литература

1. Ашин Г.К. К истории российской элитологии // Власть. 2003. № 2.
2. Ашин Г.К., Игнатов В.Г., Понеделков А.В., Старостин А.М., Ревягина Н.Г., Швец Л.Г. Образовательная и кадровая политика как факторы формирования элиты. Ростов н/Д., 2007.
3. Ашин Г.К. Элита и образование // Власть. 2001. № 3.
4. Карабущенко П.Л. Политическое образование для становления элит // Полис. 2000. № 4.
5. Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М., Лысенко В.Д. Региональные административно-политические элиты России: двадцать лет постсоветской эволюции. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2012.
6. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009.
7. Мирская Е.З. Научные школы: история, проблемы и перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005.
8. Элиты и будущее России: взгляд из регионов (Вып. первый). Ростов н/Д., 2007.
9. Элитологические исследования. Ежегодник–2005. Ростов н/Д., 2006.
10. Административно-политическая элита региона (социологический анализ). Ростов н/Д., 1995.

УДК 323.17